

РАЗДЕЛ 10.
ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Алексеева,
Государственный академический университет гуманитарных наук

«РАСШИРЕННЫЙ КИБОРГ» И ПРОБЛЕМА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

«Расширенный киборг» – это концепт, обозначающий специфическую взаимосвязь человеческого опыта и кибертехнологий. Эта взаимосвязь актуализирует вопрос об антропологических границах между техническими системами и человеческим жизненным миром.

Ключевые слова: расширенный киборг, антропологические границы, жизненный мир, техническая фундированность.

Е.А. Alekseeva,
State Academic University for the Humanities

EXTENDED CYBORG AND THE PROBLEM
OF ANTHROPOLOGICAL BOUNDRIES

«Extended cyborg» is a concept denoting the specific relationship between human experience and cyber technologies. This relationship actualizes the question of anthropological boundaries between technical systems and the human life world.

Keywords: extendedcyborg, anthropologicalboundaries, lifeworld, technicalfoundation.

Концептом «расширенный киборг» предлагается обозначать взаимосвязь компьютерных (прежде всего интеллектуальных) систем и человеческих ментальных и телесных компонентов, не предусматривающую непереносимого физического соединения человеческого тела и кибернетических структур. Для обозначения этого феномена существует также понятие цифрового кентавра, но, как представляется, понятие расширенного киборга выглядит более наглядным и имеет собственную философскую традицию. Оно восходит, с од-

ной стороны, к понятию «прирожденного киборга» Э. Кларка, а также к его совместной с Д. Чалмерсом концепции расширенной психики (extended mind) [1], с другой – к киберфеминистскому «Манифесту киборга» Д. Харауэй [2], полному иронических метафор об эмансипирующем преодолении оппозиций между организмом и машиной.

Предполагается, что расширенная киборгизация – это процесс, который уже совершился помимо воли отдельных индивидов. Это связано с проникновением интеллектуальных систем в нашу повседневность, в которой мы делегируем собственные когнитивные функции интеллектуальным технологиям. Так, программе-навигатору мы делегируем способность ориентироваться в пространстве, рекомендательной системе – способность выбирать релевантный контент и т. п. Таким образом, мы уже являемся киборгами, и «единственное, что не позволяет увидеть нашу собственную все более киборгскую природу, так это древнее западное предубеждение – тенденция думать о разуме как о столь глубоко особенном, что он отличается от остального естественного порядка вещей... Мы склонны думать, что то, что происходит внутри нашей черепной коробки, настолько особенное, что единственный способ достичь настоящего слияния человека и машины – это физическое слияние механизма и мозга» [3; 36].

Все это приводит нас к вопросу о том, является ли такая киборгизация, шире, технизация жизненного мира, радикальным прорывом антропологических границ, в котором присутствует определенная угроза не только собственно человеческому, но и миру, в котором укоренен человек: «На всех уровнях и во всех масштабах происходит не что иное, как автосистематизация гигантской силы техники – искусственного интеллекта, интернета вещей, нанотехнологии, биотехнологии, дронов, беспилотных автомобилей, умных городов, SpaceX – в надежде на то, что однажды, даже исчерпав свою продуктивность, природа сможет питать саму себя. Планетаризация (в смысле Хайдеггера) означает вторжение техники во все сущее, превращение всего в «состоящее-в-наличии», аналогичное всеобщей эквивалентности» [4; 329]. Но этот же вопрос можно поставить и по-другому: правомерно ли вообще постулировать наличие антропологических границ и не является ли киборгизация действительно природной человеческой возможностью?

Идея расширенного киборга подчеркивает фундированность человеческого опыта кибертехнологиями. Но такая фундированность требует пойти еще дальше: учесть имманентную техничность человеческого существования, которая зачастую остается в «слепой зоне» рефлексии: «антропоценное собы-

тие сделало очевидным то, что философия структурным образом отрицала на протяжении веков: артефакт – это движущая сила становления человека, его состояние и его судьба» [5; 37]. Согласно Д. Айде, техническое инкорпорировано не только в культуру, но и в человеческую телесность [6]. Д. Айде, обращаясь к хайдеггеровской аналитике подручного и феноменологии телесного опыта М. Мерло-Понти, замечает, что существует множество способов, которыми технологии имплементируются в природное. Получается, что кибертехнологии, фундирующие повседневность расширенного киборга, при всей своей культурной и исторической локальной принадлежности к постиндустриальному обществу не столько прорывают антропологические границы, сколько эксплицируют их изначальное отсутствие.

Список литературы:

1. Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*. 1998. 58 (1). P. 7-19.
2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х . М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
3. Clark A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 229 p.
4. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: VACPress, 2020. 400 с.
5. Stiegler B. *The Neganthropocene*. Open Humanities Press. London. 2018. 345 p.
6. Idhe D. *Embodied Technics*. Automatic Press. 2010. 96 p.